

И.В. Нечаева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
inechaeva@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНАЯ НЕОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОРТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НАПИСАНИЙ

В статье речь идет о двух подходах к понятию орфографической правильности, что особенно актуально при кодификации иноязычных неологизмов. Первый подход связан с императивностью существующих кодифицирующих источников, четко разграничивающих правильное написание и ошибку без учета языковых противоречий, влияющих на написание слова, что порой приводит к спорным кодификациям. При втором подходе учитываются как неоднозначность фонетических замен при заимствовании (*хеллоуин* / *хелуин*, *мондиаль* / *мундиаль*), так и изменение степеней членимости (*старт-ап* / *стартап*), разнонаправленное действие орфографических аналогий (*соц-арт* / *соцарт*), противоречия между формальным подходом правил правописания и реальным произношением слова (*риелтор* / *риэлтор*) и другие языковые факторы.

На материале иноязычных неологизмов показано, как внешнее, иноязычное влияние и влияние внутриязыковое могут вступать в конфликт при определении письменной формы слова. Другие примеры демонстрируют внутрисистемные орфографические коллизии, например при передаче удвоенных согласных или твердости согласного перед [э]. В итоге утверждается, что в сфере неологической лексики безальтернативность написаний в ряде случаев не имеет под собой лингвистической опоры. Наличие двух конкурирующих лингвистических факторов является лингвистическим обоснованием орфографической вариативности.

Ключевые слова: иноязычное заимствование, неология, ортология, правописание, понятие орфографической правильности, вариативность.

1. Орфография как система языковых письменных норм ортологична по своей сути; термин этот происходит, как известно, от греческого ὀρθός — «правильный» и γράφω — «пишу». Представление о том, что существуют правильные и неправильные написания слов, четко отграниченные друг от друга, является общепринятым. Правописание регулируется кодифицирующими установлениями (правилами и нормативными словарями). Любое написание слова, отличное от словарного или упомянутого в правилах, расценивается как ошибочное. Считается, что кодифицирующие источники задают образец написаний, будь то алгоритм их определения, представленный в правиле, или частная словарная единица, зафиксированная орфографическим словарем как список слов в их нормативной письменной форме (в последнем случае говорят о «словарном порядке» орфографической кодификации). В подсистеме иноязычных заимствований словарный порядок нормирования заметно доминирует над алгоритмическим способом определения нормативной орфограммы, предписываемого правилами. Между тем лингвистическая обоснованность словарной кодификации, как правило, остается невыявленной, скрытой. Имплицитность лингвистических оснований нахождения нормативного образца – характерная черта орфографического словарного порядка. При этом в силу сложившейся системы правописания орфографическое «правильное» понимается как «единственно верное».

Такое представление об орфографической правильности нуждается сегодня в развитии. Вопрос о том, что считать образцом, эталонным написанием, в значительном количестве случаев не имеет убедительного однозначного решения. Это в полной мере относится к иноязычной неолексике, орфографический аспект освоения которой можно

отнести к болевым точкам русского правописания. Процесс обретения иноязычным заимствованием нормативного написания обладает своей спецификой.

2. Дело в том, что понятие правильности в правописании для заимствований имеет менее четкие очертания, чем для исконных слов. Иноязычные слова у нас не являются самостоятельным объектом орфографической кодификации. Они подвергаются кодификации в соответствии с нормами, которые отражаются в правилах, общих для русских и иноязычных слов. Речь идет о правилах, посвященных определенным орфографическим проблемам: удвоенным согласным, распределению «э» / «е» после твердого согласного и после гласных, слитно-дефисному правописанию сложных слов, передаче [j] с последующим [o] (например, «*тойота*»), употреблению гласных после шипящих (например, *жюри*), правописанию слов с иноязычными префиксами и некоторые другие. Тем самым не делается различий в подходе к орфографической кодификации между словами исконными и словами заимствованными. Эта спорная ситуация является источником многих неясностей и противоречий, возникающих на письме.

Такой подход подразумевает, что на синхронном уровне фонемный состав слова уже является установившимся. Между тем для новых иноязычных слов это не всегда так. Устное и письменное освоение слова в ряде случаев происходит одновременно, а не последовательно; в отношении иноязычий фонетическую и орфографическую адаптацию слова часто невозможно разделить. Примеры: *аккаунт* / *экаунт* (англ. account [э'kaunt]), *хеллоуин* / *хелуин* (англ. Halloween [hælə'win]), *перфоманс* / *перформанс* (англ. performance [брит. рэ'fɔ:məns, амер. рэр'fɔ:rməns]), *мондиаль* / *mundиаль* (фр. mondial, исп. mundial), *бедж* / *бейдж* (англ. badge [bædʒ]), *имейл* / *е-мейл* (англ. e-mail), *экшен* / *экин* [англ. action], слова, включающие в себя звук [w], передаваемый по-русски как [в] и как [у], и др. В русской передаче заимствования иноязычные звуки могут варьироваться друг с другом или с нулем звука. В номинации *вестхайленд-уайт-терьер* (англ. West Highland White Terrier, порода собак) такое варьирование происходит в рамках одного слова: английский звук [w], встречаясь дважды в пределах одного графического ряда, передается по-разному. Как видно, в подобных случаях окончательное становление фонемного состава слова происходит одновременно с установлением его письменной формы. Существует также проблема передачи звуков, нейтрализующихся в слабой фонетической позиции, напр. *ритейл* / *ретейл* (англ. retail ['ri:teɪl]), *дивайс* / *девайс* (англ. device [di'veɪs]).

Одну из специфических проблем представляют слова, передача которых осложняется позиционными изменениями звука в языке-источнике. Это касается, например, существительных с конечным глухим, озвончаемым при образовании множественных форм, таких как *таунхаус*/з, *пентхаус*/з (англ. penthouse [penthəʊs, множ. penthouses]). В русской письменной системе дело обстоит противоположным образом: у нас орфографически отображается звук, находящийся, напротив, в сильной фонетической позиции. Это создает дополнительную орфографическую коллизию.

Таким образом, благодаря различиям фонетических систем взаимодействующих языков один и тот же иноязычный неологизм нередко может быть записан двумя или несколькими способами.

3. Приведенные выше примеры свидетельствуют о проблемах, связанных с фонетико-орфографической передачей иноязычных неологизмов. Они проистекают из смены языковой системы, происходящей в процессе заимствования, с неоднозначностью фонетических замен при транскрибировании. Другая группа примеров касается орфографической неоднозначности, обусловленной противоречиями иного рода. Дестабилизирующими факторами письменного освоения неолексикой могут быть как межъязыковые, так и внутриязыковые коллизии.

3.1. Существуют случаи, когда иноязычное слово со сложной морфемной структурой или словосочетание, обладающее смысловым единством, при переходе в русский язык меняет степень своей членимости или утрачивает ее совсем. Вопрос об обозначении

морфемного стыка этимона в подобных случаях – одна из частотных орфографических проблем. Например, *флеш(-)моб* (англ. flash mob < flash ‘миг, мгновение’ и mob ‘толпа’), *биг(-)мак* (англ. big Mac ‘большой бутерброд’), а также *бой(-)френд*, *лайт(-)бокс*, *он(-)лайн*, *поп(-)корн*, *прайм(-)тайм*, *фен(-)шуй*, *шоу(-)рум*, *экзит(-)пол* и т.п.: не существует правила, которое следовало бы применить, решая вопрос о выборе дефисного или контактного присоединения частей композитов в таких случаях. В узусе, помимо упомянутых, можно встретить даже орфографически аномальные для русского языка раздельные написания.

Необходимо иметь в виду, что степень членимости заимствованного слова, небезразличная для выбора слитной или дефисной орфограммы, может меняться по мере пополнения русского языка этимологически родственными неологизмами. Так, слово *фастфуд*, зафиксированное в орфографическом словаре, несмотря на колебания, в единственном слитном написании, на момент заимствования в русский язык не имело структурных и орфографических коррелятов; однако позже появился неологизм *стрит-фуд* (еда, продаваемая с мобильных городских торговых точек: хотдоги, шаурма и т.п.); употребляется также термин *комфорт-фуд* (вкусная, часто домашняя или традиционная национальная еда, обычно богатая углеводами, способствующая преодолению стресса и повышающая настроение), перспективы закрепления которого в русском языке пока неясны.

То же касается структурно однотипных слов *мейк(-)ап* (англ. make-up), *старт(-)ап* (англ. start-up¹) и *стенд(-)ап* (от англ. stand-up comedy²): первое из них обрело в орфографическом словаре единую слитную словарную форму, однако это не спасает от узуальных колебаний двух последующих.

Основанием для графической записи *риелтор* (англ. realtor) является формально-графическое правило, предписывающее после буквы «и» писать «е», а не «э»; однако этому может препятствовать отсутствие йотированного произношения как в этимоне [ri≐lt≐], так и в полученном в результате заимствования, что и подтверждается на практике: единое кодифицированное орфографическим словарем написание (*риелтор*) в течение многих лет не способствовало вытеснению варианта *риэлтор* из орфографического обихода.

Приведенные примеры (а также многие другие факты языка) свидетельствуют о том, что разновекторное воздействие этимологического, с одной стороны, и внутриязыкового, внутрисистемного фактора, с другой, являются серьезным лингвистическим основанием для двойной орфографической записи слова. Другие случаи межъязыковых противоречий см. в [Нечаева 2012], [Нечаева 2005].

3.2. Орфографические коллизии, вызванные противоречиями внутри принимающего языка, могут касаться различных языковых аналогий. Опора на языковую аналогию, расцениваемую как орфографический прецедент, – стандартный инструмент нормализаторской деятельности. Однако при многообразии лексических вхождений современного этапа заимствования нередки случаи неединственности орфографических коррелятов, которые не действуют солидарно, а оказывают на новое слово противоречивое орфографическое влияние. Так, слова *видео(-)арт*, *соц(-)арт*, *фото-арт* можно соотнести со сложными словами на *видео...*, *соц...* и *фото...* (*видеокассета*, *видеомагнитофон*, *соцреализм*, *соцсоревнование*, *фотокарточка*, *фотоальбом*) и писать слитно, а можно – с рядом слов на *...арт*, построенными по иноязычному словообразовательному образцу (ср. *поп-арт*, *нейл-арт*), и писать через дефис. Здесь имеют место двойные орфографические аналогии, которые действуют разнонаправленно.

¹ ‘Компания с короткой историей операционной деятельности’.

² ‘Комедийное представление разговорного жанра, в котором исполнитель выступает перед живой аудиторией; также репортерский прием, когда журналист работает непосредственно в кадре с места событий’.

В истории русской орфографии много говорилось о том, что удвоенные согласные у заимствований часто не выражают реальной долготы произношения и создают трудности на письме. Попытки полностью упразднить удвоение согласных у иноязычных слов предпринимались постоянно с тех пор, как существует орфографическая кодификация, однако успеха не имели. Анализ языковых факторов, влияющих на сохранение или утрату консонантного удвоения на письме, принес некоторые результаты³, которые, тем не менее, не разрешают данную проблему радикально и, кроме того, остались не отраженными в кодифицирующих источниках. В итоге написание практически каждого нового заимствования, имеющего в этимоне удвоение согласных, по-прежнему вызывает вопросы (обращения по этому поводу к сотрудникам ИРЯ РАН – обычная практика).

Отдельный случай представляют слова, имеющие в этимоне не один, а два долгих согласных. Традиционно два удвоения в слове считаются излишними, поскольку одно из них «скрадывается в выговоре» [Грот 1876: 339]. Но в отношении новых иноязычий часто остается неясным, какое именно из удвоений должно упроститься. На рубеже веков подобную проблему представляло написание слова *мил(л)ен(н)иум* (англ. millennium). Постепенно данная коллизия разрешилась в пользу варианта *миллениум* (да и актуальность самого слова по понятным причинам сошла на нет), хотя и сейчас еще встречаются на письме другие варианты. Иная ситуация касается термина *ассесмент* (англ. assessment – метод оценки персонала): разрешение орфографической проблемы затрудняется тем, что в обоих случаях имеет место слабая позиция для удвоения и один и тот же согласный («с»).

Подобный же ортологический конфликт возникает при наличии двух звуков [э] после твердого согласного при возможности передачи с помощью относительно редко встречающейся и нелюбимой орфографистами буквы «э», как, например, в слове <хэтчбек> [англ. hatchback], который теоретически может быть записан четырьмя способами: *хэтчбек*, *хетчбэк*, *хэтчбэк*, *хетчбек*. Принято считать, что в русском языке после твердых пишется преимущественно буква «е» за исключением небольшого количества слов-исключений; при этом две буквы «э» в одном слове для русского письма тем более нехарактерны. В какой из двух позиций в этом слове следует писать «э», а в какой «е»? Известно, и наблюдения за узусом это подтверждают, что в первую очередь графической поддержки требует твердость задненебных (поскольку нормально они перед /э/ смягчаются в русском языке), т.е. писать следует *хэтчбек*. Однако в орфографическом словаре было принято иное написание. Об основаниях такого выбора см. [Нечаева 2012: 79].

Далеко не в первый раз приходится говорить об англицизме *эконом-класс*, поскольку до сих пор орфографический словарь настаивает на слитном соединении частей в этом сложном слове. Представляется очевидным, что это вполне на данный момент освоенное заимствование является калькой с английского *economy class*, а не сокращением типа *медпункт*, *спортинвентарь*. Поскольку этимологически оно восходит к словосочетанию и коррелирует с тематической парой *бизнес-класс* (а также в некоторых предметных сферах со словами *премиум-класс* и *комфорт-класс*), уместно по-русски писать его с дефисом. Это один из случаев, в которых сказывается «тенденция к интернационализации как словаря, так и способов образования слов» [Крысин 2008: 172].

Существует и другие противоречия, способные вызывать орфографическую неоднозначность в сфере иноязычной неологии.

4. Неединственность лингвистических оснований при выборе орфограммы и закреплении за ней нормативного статуса – источник ортологического конфликта в правописании заимствований. Как было показано, наличие двух конкурирующих

³ Такими факторами являются: позиция удвоения в слове по отношению к другим звукам и к ударению, разная способность различных согласных сохранять долготу произношения в русском языке, количество удвоений в слове, степень новизны заимствования, язык-источник и др. [Нечаева 2011: 28–37, 55–56].

лингвистических факторов во многих случаях препятствует ортологически успешному нахождению письменной формы слова и является лингвистическим обоснованием орфографической вариативности.

Сфера иноязычной неологии – это та область, в которой подобные процессы можно представить наиболее наглядно. В применении ко многим заимствованиям (это касается сложных случаев, которых немало) безальтернативность написаний не имеет под собой лингвистической опоры. При этом речь не идет о вариантах, некорректных в отношении этимологии и произношения слова; следует просто иметь в виду, что между одним написанием, лингвистически обоснованным, и другим, такого обоснования лишенным, может находиться диапазон допустимого, включающий письменные реализации, не противоречащие традициям и принципам письма. Как писал академик Я.К. Грот, «надобно уметь отличать важные разногласия от неважных» [Грот 1876: 178].

Достоин удивления тот факт, что до сих пор господствует неизменно враждебное отношение к любым письменным вариантам, к орфографической неоднозначности. Орфографические градации не допускаются; единство написания нового слова достигается, вопреки законным сомнениям, любой ценой. Орфографический словарь в отношении неологической лексики демонстрирует поспешность безвариантных кодификаций, невзирая на реальные межъязыковые и внутриязыковые коллизии. Тем самым налицо противоречие между жестким орфографическим императивом и неопределенностью критериев правильности написаний.

Такое положение трудно признать приемлемым. В настоящее время, как мы можем наблюдать, происходит функциональное и структурное расширение нормативности. Современному уровню развития языка должно соответствовать и представление об орфографической правильности. Как уже не раз отмечалось, «определение границ орфографической свободы» нуждается в пересмотре [см. Григорьева 2003: 261].

Литература

Григорьева Т.М. Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия. // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М.: 2003. С. 259–261.

Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Санкт-Петербург, 1876. 461 с.

Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. М., «Языки славянских культур», 2008. С. 167–184.

Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

Нечаева И.В. Мотивированность иноязычных слов: орфографический аспект проблемы // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 83–95.

Нечаева И.В. О *шоп(н)инге*, *мини(-)вэне* и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 81–82.

I.V. Nechaeva

*V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

inechaeva@mail.ru

**FOREIGN NEOLOGY IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
ORTHOLOGICAL CONFLICT OF WRITING**

This paper deals with two approaches to the notion of orthographic correctness. The first approach involves imperativeness of the existing codifying sources, which clearly divide correct writing and errors with neglect of linguistic contradictions. This sometimes entails disputable codifications. The second approach takes into account the ambiguity of phonetic substitutions in loanwords (*хеллоуин / хелуин, мондиаль / мундиаль*) as well as changes in the degree of partitionability (*старм-ан / старман*), the differently directed effect of orthographic analogies (*соц-арм / соцарм*), contradictions between the formal approach of orthographic rules and the real word pronunciation (*риелтор / риэлтор*), and other linguistic factors.

Proceeding from the material of foreign neologisms it is shown how external, foreign and intralingual influences come into conflict in the determination of the written form of a word. Other examples exhibit intrasystem orthographic collisions, for instance in the transfer of double consonants or the hardness of a consonant in front of [e]. Eventually it is stated that the choicelessness of writing in the area of neological vocabulary is void of linguistic foundation in a number of cases. The existence of two competing linguistic factors is a linguistic foundation for orthographic variability.

Keywords: foreign lexical borrowing, neology, orthology, orthography, notion of orthographic correctness, variability.

References

Grigor'eva T.M. [Orthographic situation in Russian writing and its inferences]. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 8–10 iyunya 2002 g.)* [Russian philology on the verge of the XXI century: problems and prospects. Proceedings of the International Scientific Conference (8–10 June 2002, Moscow, Russia)]. Moscow, 2003, pp. 259–261. (In Russ.)

Grot Ya.K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Moot Points of Russian Orthography from the Time of Peter the Great to This Day]. St.Petersburg, 1876. 461 p. (In Russ.)

Krysin L.P. [Lexical borrowing and duplication]. *Sovremennyyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vv.* [Modern Russian language. Active processes at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow, «Yazyki slavyanskikh kul'tur», 2008, pp. 67–184. (In Russ.)

Nechaeva I.V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy* [Topical Orthographic Problems of Foreign Borrowings]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2011, 168 p. (In Russ.)

Nechaeva I.V. [Derivativeness of loanwords: orthographic aspect of the problem]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 1 (9), pp. 83–95. (In Russ.)

Nechaeva I.V. [On shop(p)ing, mini(-)van, and the enigmas of orthographic codification]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, no. 1 (23), pp.81–82. (In Russ.)